

Грег Джонсон

Памяти Филипа Ларкина

9 августа 1922 г. – 2 декабря 1985 г.

Оригинал: Greg Johnson. Remembering Philip Larkin: August 9, 1922–December 2, 1985

Источник: <https://counter-currents.com/2022/08/remembering-philip-larkin-1/>

Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

Хамфри Оушен, Филип Ларкин, 1984 год.

Сто лет назад родился английский поэт, писатель и критик Филип Ларкин. Единственный сын зажиточной семьи среднего класса в Ковентри, Ларкин получил в Колледже Святого Иоанна в Оксфорде степень бакалавра с отличием по английскому языку. Затем Ларкин выучился на библиотекаря, что стало его карьерой на всю жизнь, и с 1955 до смерти он работал библиотекарем в Университете Халла.

Ларкин постоянно писал, но мало публиковался. Он был перфекционистом и уничтожил многие из своих незавершенных работ. Его первая книга стихов «Северный корабль» была опубликована в 1945 году. Затем он опубликовал

два романа: «Джилл» (1946) и «Девушка зимой» (1947). Публикация его второго сборника стихов «Менее обманутые» (1955) сделала ему имя. За ним последовали «Свадьбы Троицы» (1964) и «Высокие окна» (1974). Его сборник «Избранные стихи» (1988) стал литературной сенсацией по обе стороны Атлантики.

Ларкин также писал критические эссе и обзоры как литературы, так и музыки, становясь все более жестким противником модернизма. Он был джазовым критиком газеты *Daily Telegraph* с 1961 по 1971 год. Его статьи о джазе были собраны в *All What Jazz: A Record Diary 1961–71* (1985). Его литературная критика была собрана в двух томах: «Необходимые тексты: разные статьи 1955–1982» (1983) и «Дополнительные требования: интервью, радиопередачи, заявления и книжные рецензии 1952–1985» (2001). Ларкин также редактировал «Оксфордскую книгу английских стихов двадцатого века» (1973).

Ларкин находился под влиянием Йейтса, Одена и Харди. Он презирал таких поэтов, как Паунд и Элиот, которые писали произведения, которые могут расшифровать только доктора философии. Вместо этого Ларкин писал стихи, которые более или менее рифмовались на простом, прямолинейном разговорном английском языке, что сделало его чрезвычайно популярным, хотя его стихи затрагивают мрачные темы в тревожно откровенной манере.

Газетные критики и публика в целом любили Ларкина. Однако академики, как правило, были холодны. Ларкин избегал литературной славы, но получил множество наград, в том числе Золотую медаль королевы за поэзию. Когда в 1984 году умер поэт-лауреат сэр Джон Бетджеман, Ларкину предложили эту почетную должность, но он отказался. Он чувствовал, что его творчество идет на убыль. В следующем году он умер от рака в возрасте 63 лет.

Посмертно изданные «Избранные письма Филипа Ларкина, 1940–1985» (1992) были встречены в академических кругах крайне негативно, поскольку они показали, что Ларкин был совершенно неполиткорректным поэтом. Он выражал расистские и сексистские настроения с жестокостью, а иногда и веселой откровенностью. Визг усилился, когда в 1993 году вышла биография Эндрю Моушна «Филип Ларкин: жизнь писателя». По мере появления новых биографических свидетельств становилось все более очевидным, что Ларкин был не только политически некорректным, но и человеком правых взглядов. Однако Ларкин не был обычным тори. Он был атеистом. Он был поклонником джаза. Он никогда не был женат, но имел ряд длительных отношений с женщинами, иногда с несколькими одновременно.

Но при всем при этом Ларкин одним из первых заметил Великое замещение и вызванный им культурный и социальный упадок: «Я нахожу состояние нации весьма ужасающим. Через десять лет мы все будем прятаться под своими кро-

ватами, пока орды чернокожих будут красть все, до чего они смогут дотянуться». Затем стало известно, что его отец был очень грамотным сторонником нацизма, дважды посещавшим Нюрнбергские митинги и познакомившим сына с такими деятелями правого толка, как Эзра Паунд и Д. Х. Лоуренс. Недавно выяснилось, что давняя партнерша и наследница Ларкина Моника Джонс хорошо разбиралась в расовых и еврейских вопросах и симпатизировала Национальному фронту.

Затем следует упомянуть стихотворение «Как победить на следующих выборах» (How to Win the Next Election, 1966 г.):

*Prison for strikers,
Bring back the cat,
Kick out the niggers,
How about that?*

*Trade with the Empire,
Ban the Obscene,
Lock up the Commies,
God Save the Queen.*

*Тюрьма для забастовщиков,
Верните кошку,
Выгоните негров,
Как насчет этого?*

*Торговать с Империей,
Запретить непристойное,
Запереть коммуняк,
Боже, храни королеву.*

(«Верните кошку» – имеется в виду телесное наказание плеткой-девятихвосткой).

Если подумать, мне бы очень хотелось, чтобы Ларкин занял должность поэта-лауреата и дожил до того, чтобы сочинять оды принцессе Ди, Тони Блэру, Стивену Лоуренсу и его матери Дорин, баронессе Лоуренс Кларендонской или Меган Маркл, ныне герцогине Сассекской.

Это зло, но необходимое, что многие из вас познакомились с поэзией Ларкина благодаря его вышеприведенному стихотворению «Как победить на следующих выборах», а не мрачному, но совершенно блестящему «Aubade» («Утренняя серенада»), являющимся одним из самых сильных стихотворений двадцатого века:

*I work all day, and get half-drunk at night.
Waking at four to soundless dark, I stare.
In time the curtain-edges will grow light.
Till then I see what's really always there:
Unresting death, a whole day nearer now,
Making all thought impossible but how
And where and when I shall myself die.
Arid interrogation: yet the dread
Of dying, and being dead,
Flashes afresh to hold and horrify.*

*The mind blanks at the glare. Not in remorse
— The good not done, the love not given, time
Torn off unused — nor wretchedly because
An only life can take so long to climb
Clear of its wrong beginnings, and may never;
But at the total emptiness for ever,
The sure extinction that we travel to
And shall be lost in always. Not to be here,
Not to be anywhere,
And soon; nothing more terrible, nothing more true.*

*This is a special way of being afraid
No trick dispels. Religion used to try,
That vast moth-eaten musical brocade
Created to pretend we never die,
And specious stuff that says No rational being
Can fear a thing it will not feel, not seeing
That this is what we fear — no sight, no sound,
No touch or taste or smell, nothing to think with,
Nothing to love or link with,
The anaesthetic from which none come round.*

*And so it stays just on the edge of vision,
A small unfocused blur, a standing chill
That slows each impulse down to indecision.
Most things may never happen: this one will,
And realisation of it rages out
In furnace-fear when we are caught without
People or drink. Courage is no good:
It means not scaring others. Being brave
Lets no one off the grave.
Death is no different whined at than withstood.*

*Slowly light strengthens, and the room takes shape.
It stands plain as a wardrobe, what we know,
Have always known, know that we can't escape,
Yet can't accept. One side will have to go.
Meanwhile telephones crouch, getting ready to ring
In locked-up offices, and all the uncaring
Intricate rented world begins to rouse.
The sky is white as clay, with no sun.
Work has to be done.
Postmen like doctors go from house to house.*

Предутренняя серенада

Днём я работаю, а пью — по вечерам.
Пью крепко. Но в четыре — просыпаюсь
Как по приказу. Тьма кругом. И там,

Где быть должно окно, темно. И хаос

Обычных мыслей в этом промежутке
Не существует. Мысль — одна: на сутки

Смерть стала ближе. Спрашиваю: сам —
Когда я, где? Но думаньем бесплодным
Не насыщаясь, страх огнём холодным,
Как фотовспышка, лупит по глазам.

Рассудок ослеплён и пуст. Не от
Раскаянья (любовь, талант растратил,
Всё на потом откладывал — и вот...),
Не из униженья (столько пятен
Пришлось стереть с единственной своей,
Последней жизни, а помог ли ей
Вскарabкаться?) — но лишь от молчаливой
И близкой пустоты, тотальной тьмы,
Где нас не будет. Не осилим мы
Столь страшной, столь правдивой перспективы.

Сей страх страшней, чем страхи вообще:
Ничем не сбить его. Религия пыталась
Органной вышивкой по траченной парче
Внушить, что мы бессмертны. Просчиталась.
Рациональный лепет: дескать, нам
Страшиться странно, смерть случится там,
Где не почувствуем, — ошибка или поза.
То и пугает нас: бесчувственность сама —
Нет вкуса, запаха, нет тела, нет ума...
То и пугает: не проснуться от наркоза.

Неясное пятно, помеха с краю...
Но почему озноб так сильно бьёт?
Что будет кроме этого, не знаю,
Но это в точности произойдёт!
И корчишься в том знанье, как в огне,
Раз ты остался с ним наедине
И трезв, как стёклышко. Нет, мужеством нельзя
Помочь себе (других утешить можно):
Смерть наступает столь же непреложно
Дрожишь пред ней иль смотришь ей в глаза.

Меж тем — светает. Мир опять предметен.
И в комнате, знакомые как шкаф,
Стоят: «Смерть неизбежна», «Я бессмертен».
То и другое — сразу? Это — как?
А миру — наплевать. Дождавшись света,
Проснулись телефоны в кабинетах,

Пока ещё закрытых на ключи.
Сегодня солнца нет на небе сонном.
Пора вставать. Работать. Почтальоны
Идут от дома к дому, как врачи.

(перевод Леопольда Эпштейна)

Как и Ницше, Ларкин был атеистом, но, хотя они чувствовали, что смерть Бога может быть освобождением для некоторых, они опасались, что это также приведет к превращению масс в зверей. Как и Уэльбек, Ларкин чувствует, что сексуальная революция в конечном счете может оказаться более разрушительной, чем большевизм:

Annus Mirabilis

*Sexual intercourse began
In nineteen sixty-three
(which was rather late for me) —
Between the end of the Chatterley ban
And the Beatles' first LP.*

*Up to then there'd only been
A sort of bargaining,
A wrangle for the ring,
A shame that started at sixteen
And spread to everything.*

*Then all at once the quarrel sank:
Everyone felt the same,
And every life became
A brilliant breaking of the bank,
A quite unlosable game.*

*So life was never better than
In nineteen sixty-three
(Though just too late for me) —
Between the end of the Chatterley ban
And the Beatles' first LP.*

Год чудес

(Annus Mirabilis)

В одна тысяча девятьсот шестьдесят третьем году
(поздновато для моего поколения),
До первой долгоиграющей битлов и общего увлечения,
Но после оправдания «Леди Чаттерлей» по суду —
Стало известно об акте полового совокупления.

До этого речь могла идти
Только о торге вокруг кольца,
Об играх, манёврах, хитростях без конца,
О сраме, который начинается в районе шестнадцати
И распространяется на всё и вся.

А тут вдруг смолк вековечный спор,
Все хотели единственного — и поскорее.
И каждая жизнь, стеснённая до тех пор,
Стала чем-то подобным скачке во весь опор,
Чем-то вроде беспроигрышной лотереи.

Поэтому в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году
(слишком поздно для моего поколения),
До первой долгоиграющей битлов и общего увлечения,
Но после оправдания «Леди Чаттерлей» по суду —
Жизнь была прекрасней чем когда-либо, без исключения.

(перевод Леопольда Эпштейна)

High Windows

*When I see a couple of kids
And guess he's fucking her and she's
Taking pills or wearing a diaphragm,
I know this is paradise*

*Everyone old has dreamed of all their lives —
Bonds and gestures pushed to one side
Like an outdated combine harvester,
And everyone young going down the long slide*

*To happiness, endlessly. I wonder if
Anyone looked at me, forty years back,
And thought, That'll be the life;
No God any more, or sweating in the dark*

*About hell and that, or having to hide
What you think of the priest. He
And his lot will all go down the long slide
Like free bloody birds. And immediately*

*Rather than words comes the thought of high windows:
The sun-comprehending glass,
And beyond it, the deep blue air, that shows
Nothing, and is nowhere, and is endless.*

Высокие окна

Глядя на юную парочку, фантазирую вольно:
Чего тут гадать? — он имеет её по полной,
А она пилюлями предохраняется (может быть, колпачком) —
И обоим всё нипочём.

Я думаю: это — рай, мы об этом всю жизнь мечтали:
Брачные узы, гримасничанье — отброшены, как детали
Устаревшего зерноуборочного комбайна.
Кто молод, тот катится с горки к счастью, которого мы не знали,

Свободно и безостановочно. Интересно, а был ли кто-то,
Кто глядел на меня, лет сорок назад, соображая:
«Повезло же этому парню — никакого холодного пота
От ужаса перед Богом, никакого ада и рая,

И относись к священнику как тебе угодно.
Чертовски вольные птицы — всё это поколение,
Катятся себе к счастью, с горки летят свободно,
Мчатся безостановочно». И сразу воображенье

Улетает от слов к образу высоких окон:
Огромное солнце в стёклах включено в образ.
А дальше, за стёклами — воздух, пустой, голубой, глубокий,
Безмерный, ни с чем не связанный. Просто воздух.

(перевод Леопольда Эпштейна)

Если вы хотите прочитать Ларкина, начните с «Полного собрания стихов Филипа Ларкина», изд. Арчи Бернетт (*The Complete Poems of Philip Larkin*, ed. Archie Burnett, 2012). Если вы хотите ознакомиться с его критическими работами, прочтите *Required Writing* и *All What Jazz*. Также см. на нашем сайте статью Фрэнка Аллена *Philip Larkin on Jazz: Invigorating Disagreeableness*. Лучшая биография Ларкина – это книга Джеймса Бута «Филип Ларкин: жизнь, искусство и любовь» (James Booth, *Philip Larkin: Life, Art, and Love*, 2014).

Несмотря на споры о его политических взглядах, Ларкина еще никто не отменил. В 2003 году Общество поэтической книги выбрало Ларкина самым любимым поэтом Великобритании за последние 50 лет. В 2008 году лондонская *Times* объявила его величайшим послевоенным писателем Великобритании. В 2010 году город Халл отметил 25-ю годовщину его смерти фестивалем Ларкин-25 (Larkin 25 Festival), на котором была открыта его бронзовая статуя в натуральную величину. В 2015 году было объявлено, что Ларкин будет увековечен в Уголке поэтов в Вестминстерском аббатстве. Однако, если Ларкина однажды отменят, мы будем рады приветствовать его в Валгалле Правых Художников.

Библиотека Велесова Слобода, 2024 г.